

Глава 17

Разлад между отцом и сыном

В последнее время отношения Ли Яо и Жэнь Синьсинь стремительно улучшались. Для Ли Яо младшая сестра перестала быть просто понятием «дочь моей матери от другого отца».

Она превратилась в живого, настоящего, надоедливого ребёнка.

— Ха-ха-ха! Тебе меня не победить! — Жэнь Синьсинь сжимала в руках две игрушки, заставляя их сражаться.

Одна из игрушек, покрашенная чёрным фломастером, очевидно, была злодеем. Жэнь Синьсинь, подражая мультфильмам, озвучивала его реплики.

Ли Яо:

— ...

Она взглянула на свой учебник. Не успела она вникнуть в рисунок, как Жэнь Синьсинь издала пронзительный визг «Ме-ха-ха-ха!», видимо, изображая злодейский смех.

— Синьсинь, — не выдержала Ли Яо.

Жэнь Синьсинь подняла на неё глаза.

Ли Яо не понимала, почему сестре так необходимо постоянно быть рядом с ней. Тао Фаньи считал, что Жэнь Синьсинь почувствовала перемену в её отношении.

Она готова была следовать за Ли Яо даже в туалет и, получив отказ, садилась на стульчик у двери и ждала, развлекая себя играми. А когда Ли Яо выходила, снова пристраивалась к ней «хвостиком».

— Мы же договорились, что ты будешь играть тихо, помнишь? — с улыбкой спросила Ли Яо.

Поначалу Жэнь Синьсинь действительно вела себя тихо: то перебирала игрушки, то с важным видом хмурилась над тетрадью Ли Яо, спрашивая, правильный или неправильный ответ она написала.

«И кто же это знает?»

— Ой! Я слишком громко, — Жэнь Синьсинь прикрыла рот рукой.

— Пойду поиграю у двери, — она сгребла всех своих кукол, включая Тао Фанъи, и выбежала из комнаты.

Тао Фанъи всё ещё ждал своего выхода на сцену, гадая, какая роль ему достанется.

Вынеся кукол, Жэнь Синьсинь вернулась за своим стульчиком.

Ли Яо забеспокоилась, что сестре будет одиноко, и проводила её взглядом.

Жэнь Синьсинь сначала закрыла дверь, но тут же поняла, что так она отделит себя от Ли Яо, и приоткрыла её, заглянув в комнату.

Ли Яо:

— ...Эх.

— Сестра, почему ты сердишься? — тут же откликнулась Жэнь Синьсинь.

— Я не сержусь, просто задача слишком сложная, — ответила Ли Яо.

— А на сложную задачу нужно писать правильный ответ или неправильный?

«Как дети вообще выстраивают такие причинно-следственные связи?»

Тао Фанъи прекрасно понимал терзания Ли Яо, потому что сам сейчас переживал нечто подобное.

— Подерёмся? — Ван ткнул в него пальцем. — Подерёмся, подерёмся.

«Я же сказал, что не буду», — у Тао Фанъи не было желания обижать ребёнка.

Но Ван не рассердился. Наоборот, он начал тереться лицом о куклу, хихикая и шепча:

— Ты такой некачественный...

«Я уже не злюсь на это», — напомнил ему Тао Фанъи.

— Не будешь драться — я тебя разорву, — сменил тактику Ван.

Тао Фанъи остался невозмутим.

Ван задумался. Прямые угрозы не работают, значит...

— Не будешь драться — я тебя оближу, — сказал он. — Ты такой маленький. Я засуну тебя в рот, пожую и выплюну.

«Ешь», — Тао Фанъи, казалось, совсем не испугался.

— Я ведь и правда съем, — удивился Ван.

«Знаю. Ешь», — лицо Тао Фанъи по-прежнему отливало лёгкой синевой.

Ван открыл рот, который в этот момент занял почти две трети его лица.

Но не успел он ничего сделать, как Тао Фанъи произнёс:

«Синьсинь несколько раз трогала меня невымытыми руками».

Ван тут же закрыл рот.

«Передумал?» — спросил Тао Фанъи.

— Там микробы, — Ван действительно хотел пожевать Тао Фанъи, но только при условии, что на нём не будет отпечатков детских ладошек.

«Какой же ты чистоплотный», — не успел договорить Тао Фанъи, как Жэнь Синьсинь схватила его и усадила играть отведённую ему роль.

На этот раз Тао Фанъи был положительным героем.

— Я больше не могу, — Ван схватился за голову. — Когда мы уже уйдём из этого проклятого места?

«Скоро». Жэнь Синьсинь было легко напугать, и Тао Фанъи почти собрал необходимое количество очков страха.

— М? — Ван резко поднял голову. — В смысле? — он думал, что застрянет в этом доме навсегда.

«Максимум через две недели я смогу уйти», — пояснил Тао Фанъи. — «Я хотел спросить: как ты считаешь, твоё перевоспитание прошло успешно? Ты готов уйти с бойцами из Боевого отдела или пока останешься со мной?»

— Не успешно. Я могу попасть на Девятнадцатый уровень? — спросил Ван.

«Да», — Тао Фанъи проверил: на руках Вана действительно не было человеческой крови. Он питался лишь свирепыми призраками, запятнавшими себя убийствами. Такие падшие духи не находились под защитой Управления, и иногда Боевому отделу даже приходилось их уничтожать.

Конечно, это не означало, что Ван мог безнаказанно их убивать. Он не был официальным лицом, и его состояние было нестабильным и неконтролируемым, поэтому Боевой отдел и вёл на него охоту.

«Я подал заявку на временное опеку над тобой. Если ты согласен, нужно будет просто подписать документы», — сказал Тао Фанъи.

— Так можно было?! — спросив это, Ван вдруг понял. — Постой, я думал, ты меня ненавидишь.

«Ты действительно бываешь надоедливым, но я тебя не ненавижу», — ответил Тао Фанъи. — «Я наблюдал за тобой. Ты — призрак, обладающий самосознанием и чётким пониманием себя. Если ты согласен, я, конечно, могу временно тебя приютить».

— И они не боятся, что я выйду из-под контроля? — Ван был в шоке. Он и не слышал, чтобы таких, как он, можно было усыновлять.

«Выйдешь из-под контроля?» — не понял Тао Фанъи.

Ван посмотрел на него и вдруг всё понял.

Конечно, заявку Тао Фанъи одобрят. Разве под его присмотром он сможет сбежать?

Ван дотронулся до красного круга на своей шее и рассмеялся.

Услышав его смех, Тао Фанъи насторожился.

«Опять этот ребёнок что-то затевает».

И точно, лицо Вана приблизилось к Тао Фанъи.

— Ты станешь моим опекуном, значит, мы теперь семья?

Тао Фанъи подумал и весело ответил:

«Если ты не против, можешь звать меня папой».

Ван:

— ...

— Нет, у меня есть свой отец.

«Но ты же говорил, что твои родные плохо с тобой обращались. Ты можешь забыть их и начать всё с чистого листа», — Тао Фанъи был воодушевлён. Он никогда не был отцом, и прямых потомков у него, скорее всего, не будет.

А теперь он подобрал маленького свирепого призрака. Может, он теперь тоже сможет праздновать День отца?

Тао Фанъи уже начал мечтать. Кстати, у его нового ребёнка такой же цвет волос, как и у сына его старого друга. Если не смотреть на лица, они же почти как близнецы!

А если он будет долго его воспитывать, привяжется, может, Ван даже будет на День отца устраивать ему представления, петь что-нибудь вроде «Мой папа — самый сильный».

А он будет растроган до слёз.

Его маленький призрак и сын друга могут стать хорошими друзьями, и тогда у него появится ещё одна причина быть частью круга своих друзей.

Чем больше Тао Фанъи думал об этом, тем правдоподобнее всё казалось.

«Подумать только, мы с тобой так похожи».

— Совсем не похожи. Я же сказал, у меня есть свой отец, и другого мне не нужно, — Ван уловил воодушевление в голосе Тао Фанъи. Теперь уже тот к нему привязался.

«Но твой отец плохой», — сказал Тао Фанъи.

— Мне кажется, называть кого-то другого отцом — это как-то унижительно, — Ван не думал, что сможет вечно скрывать свою личность. Да и с семьёй у него не было таких уж острых конфликтов.

Он действительно был обижен на старика, но не до такой степени, чтобы менять отца.

«Я так хочу быть папой. Мой друг сейчас — папа», — вздохнул Тао Фанъи. — «Он так изменился после этого, почти перестал плакать. Я тоже хочу стать более сдержанным».

Ван:

— ...

Тем временем на работе Вэньжэнь Фу вдруг прищурился, о чём-то задумавшись.

— Плакать? О каком друге ты говоришь? — спросил Ван.

«Ты его не знаешь. Это демонический патрульный, который когда-то меня ловил. У него тоже серебряные волосы», — Тао Фанъи с ностальгией вспоминал прошлое. — «Тогда Боевой отдел ещё не назывался Боевым отделом».

«Серебряные волосы?»

«Ловил Тао Фанъи?»

«Мой отец?»

«Он что, плакал?»

Вэньжэнь Фу задумался.

Его отец был цзяо с серебряной чешуёй и золотыми глазами. С тех пор как Вэньжэнь Фу себя помнил, на лице отца почти не было эмоций.

Казалось, в его глазах не было ничего, кроме матери.

«Ну, тогда я был немного плохим, обижал людей», — смущённо признался Тао Фанъи. — «Я украл его жемчужину цзяо и разрисовал её артефактом, так, что стереть было невозможно».

Ван:

— ...

«Как по-детски».

«Он тогда сдерживался, хотел либо убить меня, либо чтобы я убил его. Но он не мог меня одолеть, а я хотел лишь подшутить над ним. Когда я вернул ему жемчужину, он заплакал. Так горько плакал».

Этот цзяо был гением своего клана, баловнем судьбы, но, едва начав работать, он столкнулся с Тао Фанъи и плакал каждые пять-десять дней.

«У него тоже есть ребёнок, примерно твоего возраста», — продолжал Тао Фанъи. — «Ребёнок носит фамилию матери — Вэньжэнь». — Тао Фанъи хотел спросить, не хочет ли Ван взять его фамилию.

Но имя «Тао Ван» звучало как-то не так.

А найти другого опекуна с другой фамилией для Вана он не мог.

— У твоих друзей, мужа и жены, очень хорошие отношения, — сказал Ван.

Он, конечно, знал, почему носит фамилию матери. Он спрашивал отца, и тот ответил, что ему безразличны такие условности, как фамилия. Он родился от матери, и носить её фамилию — это нормально.

«Ты про фамилию?» — хмыкнул Тао Фанъи. — «Хорошие отношения — это одно».

Ван:

— ?

«Что, есть и другая причина?»

«Моего старого друга зовут Ван Цян. Я считаю, что у него очень внушительное имя», — пояснил Тао Фанъи. — «Но он считал его недостаточно крутым. Он всегда думал, что у него слишком яркая внешность, и имя Ван Цян ему не подходит. А в молодости он ненавидел свою жену. Помимо соперничества двух гениев, он ещё и завидовал её фамилии».

Ван перестал улыбаться.

«Но сейчас у них действительно хорошие отношения», — сказал Тао Фанъи. — «Поэтому он

больше не принижает свою жену, а переключился на ребёнка».

Вэньжэнь Фу замер, слегка нахмурившись.

«На днях я снова похвалил их ребёнка, а он сказал, что его сыну до его изящества далеко, что гетерохромия выглядит слишком вычурно. А когда ребёнок был маленьким, он говорил мне, что тот иногда выглядит немного глуповато и, возможно, не будет отличаться высоким интеллектом», — рассмеялся Тао Фанъи. — «Ха-ха, по-детски, правда?»

Ван:

— Ха-ха.

Тем временем Вэньжэнь Фу достал телефон и открыл ленту новостей.

Первым же постом была длинная запись его отца о связи между совершенствованием и человечностью, в которой он то и дело невзначай подчёркивал свою широту души и нелюбовь к мелочам.

Вэньжэнь Фу оставил под постом комментарий с двумя улыбающимися смайликами.

Затем он нашёл статью под названием «Чего человеку не хватает, о том он больше всего и печётся. Десять типов людей, с которыми нельзя сближаться. Лицемеры!» и поделился ею у себя на странице с подписью «К размышлению» и картинкой со сложенными в приветствии руками.

Через десять секунд под его постом появился вопросительный знак от отца.

Вэньжэнь Фу безэмоционально ответил:

«Просто разочаровался в некоторых людях, не принимай на свой счёт».

<http://bllate.org/book/16974/1584620>